

Девочка беспомощно жалась к отцу. Её конечности истончились, превращаясь в гибкие щупальца, туловище почти исчезло, и лишь голова всё ещё сохраняла прежний облик — милый и невинный. Но даже самое прелестное личико, венчающее тушу скользкого моллюска, вызывало лишь тошноту и первобытный ужас.

Она напоминала то чудовище со львиным телом и человеческим лицом, которое совсем недавно едва не истребило их отряд.

«Она — монстр!» — эта мысль прошла сознание каждого, и в кои-то веки люди сплотились как никогда прежде.

Они убеждали Чжоу Вэйминя убить это порождение тьмы. И хотя отец клялся, что не спустит с дочери глаз и костями ляжет за её безопасность, толпа оставалась глуха. Либо он сделает это сам, либо они помогут — третьего пути Нане не оставили.

«Это не твоя дочь, это тварь. Позволишь ей жить — и она погубит всех нас», — твердили они, словно заведённые.

В конце концов, захлебываясь слезами, Чжоу Вэйминь собственноручно лишил жизни своё дитя. Он сделал это ради общего блага, ради спасения тех, кто ещё дышал.

Однако на следующий день к их группе примкнул одинокий путник по имени Фу Дамин. Именно он принёс вести, которые перевернули всё.

Падших нельзя отличить по внешности — единственный критерий кроется в разуме. Неважно, во что мутировал человек, животное или растение: если рассудок преобладает над охотничьим инстинктом, он считается Пробуждённым. Некоторых при пробуждении искажало до неузнаваемости — то ли из-за возврата к родословной предков, то ли из-за феномена «исполнения желаний». Но если научиться самоконтролю, человеческий облик быстро возвращался.

Нана с самого начала лишь тихо пряталась за спиной отца. Она не проявляла ни тени агрессии, не сделала ни единого враждебного движения.

Она была Пробуждённой.

Она была человеком.

А они заставили отца стать палачом собственной дочери.

Толпа замерла в гробовом молчании. Чжоу Вэйминь заперся в комнате и больше не выходил. Мучимые совестью, люди не смели даже приблизиться к его двери.

На третий день, когда пришло время выступать, Чжоу так и не появился. Дверь взломали и нашли его тело — оно давно остыло. В руках он сжимал маленький сверток. Девочка, зажмурившись, покойно прильнула к груди отца, прямо над его сердцем. Разомкнуть их объятия не удалось никому.

Они умерли вместе.

Чжоу Вэйминь был по-настоящему хорошим человеком.

Разбирая скудные пожитки девочки, Линь Шу нашёл старый альбом с картинками. Потрепанные страницы, которые явно перелистывали сотни раз, не имели ни единого залома — хозяйка его очень берегла. Там была записана легенда, родом из провинции Хуайхай.

Давным-давно жили отец и сын, и не было у них никого ближе друг друга. Всякий раз, когда отец уходил в море, мальчик замирал на прибрежной скале, вглядываясь в даль. Однажды разыгралась страшная буря. Мальчик умолял соплеменников помочь, найти отца, но в такой шторм никто не рискнул выйти в море. Обезумев от горя, ребенок исчез.

Когда гроза стихла, соседи бросились на поиски и, ведомые странным плачем, нашли под обрывом морское божество. У существа с сильными, гибкими щупальцами было лицо того самого мальчика. А под защитой его конечностей, живой и невредимый, лежал отец.

Оказалось, мальчик молил богов спасти отца, и те, тронутые его преданностью, превратили его в бога-осьминога, наделив силой, способной противостоять любой стихии. С тех пор они всегда выходили в море вместе, и сыну больше не нужно было со страхом ждать на берегу. Они зажили долго и счастливо.

Только тогда Линь Шу понял, почему девочка приняла именно такой облик.

Она просто хотела защитить своего отца.

Чем чудеснее была сказка, тем уродливее казалась реальность.

В прошлой жизни Линь Шу не успел найти тех, кто его подставил — грянул апокалипсис. И сцена с семьёй Чжоу стала его первым столкновением с истинной чернотой человеческой души.

Тогда он впервые осознал, насколько страшен человек в своём эгоизме. Еще вчера добрые и приветливые лица вмиг становились омерзительнее любых Падших, едва дело касалось личной выгоды. Демонстрация слабости, ругань, моральный шантаж и давление толпы — они пускали в ход всё. Любой несогласный тут же объявлялся врагом, которого нужно растоптать.

Они напоминали пиявок на спине слона: ненасытные, жадные, высасывающие из благородного

человека последнюю каплю крови, чтобы затем, стоя на вершине, лицемерно вещать о своей невинности.

Если бы они встретили Фу Дамину на день раньше... Если бы узнали правду о Пробуждённых чуть скорее... Тот честный и добрый человек остался бы жив. А сколько ещё отчаявшихся душ, вроде братьев Линь, он мог бы спасти?

Пальцы Линь Шу, сжимавшие руль, побелели. Огни ночного города проносились мимо, сливаясь в пеструю ленту, которая на миг разогнала холод его отстраненности. Поток машин устремлялся вперед, но на ближайшем перекрестке черный автомобиль резко свернул, уходя с главного маршрута в объятия тьмы.

Этот мир был паршивым местом, но в нём всё ещё оставались люди, ради которых стоило рискнуть.

Подъезд встретил его горами хлама, о который легко было споткнуться. Тусклый свет лампочки, реагирующей на звук, то и дело гас, выхватывая из темноты стены, испещренные похабными граффити и объявлениями. Где-то в глубине монотонно капала вода — звук, от которого по коже бежали мурашки.

Это была старая многоэтажка на окраине Юньчэна, предназначенная под снос.

Где свет, там и тень. Этот заброшенный район давно превратился в «слепую зону» города. Говорили, что позапрошрое руководство планировало расширить Юньчэн именно сюда, успели даже выселить жильцов, но власть сменилась. Новый мэр сделал ставку на другое направление, и квартал стал гниющим углом, прибежищем для бродяг и криминалитета всех мастей.

Линь Шу искал подпольное интернет-кафе, спрятанное в недрах этих трущоб.

В прошлой жизни Тань Сяо приводил его сюда «развлечься». Тогда Линь Шу видел в этом лишь экзотику и азарт. Позже, когда истинное лицо Таня вскрылось, он понял: тот уже тогда целенаправленно тащил его на дно. В таких притонах легко ломаются характеры.

Но здесь не было камер, не требовали документов — идеальное место для того, что он задумал.

Перешагнув через гору коробок и объедков, он толкнул тяжелую пожарную дверь. В лицо ударил поток душного воздуха, пропитанный гарью, потом и отборной бранью. Крепкие мужики с голыми торсами неистово лупили по клавишам, изрыгая проклятия. У бильярдного стола сцепились две группки неформалов с киями наперевес. Обстановка была накалена до предела, но посетители привычно не обращали внимания на чужие разборки — здесь каждый

был сам за себя.

Администратор, потягивая пиво под оглушительный тяжеляк, лениво трепался с приятелем. Заметив вошедшего, он осушил банку, отшвырнул её в гору такого же металлолома и хмуро бросил:

— На сколько?

— На час.

Тот равнодушно кивнул, не поднимая глаз от монитора.

— Семьдесят восьмой комп.

Уходя, Линь Шу краем глаза заметил, что на экране администратора крутятся сплетни шоу-бизнеса. Тот почувствовал взгляд человека в маске и капюшоне.

— Тоже по Цзянь Чэньцзюнь фанатеешь? — осклабился админ. — Я тоже. Знойная баба, не то что эта Су Цзинъи, вечно строит из себя невинную овечку. Терпеть не могу «белых лотосов». Кто вообще верит, что в этом гадюшнике можно выбиться в топы, оставаясь святошей?

Цзянь Чэньцзюнь и Су Цзинъи были главными звездами сезона. Одна — роковая красавица, воплощение страсти; другая — воплощение чистоты и хрупкости. Полярные образы не должны были пересекаться, но они дебютировали одновременно, и обе взлетели на главных ролях в исторических дорамах. Сети кипели от сравнений, фанаты обеих сторон превратились в кровных врагов. Сейчас они вместе снимались в одном проекте, и скандалы вокруг съемок — от дележки экранного времени до споров о костюмах — не сходили с первых полос. Линь Шу, далекий от этой суеты, и то слышал об их вражде от каждого встречного.

— Продюсеры «Легенды о Фениксе» те ещё психи — позвать их обеих в один каст, — влез в разговор приятель админа. — Съемки только начались, а там уже искры летят. Режиссер, небось, локти кусает.

— Да щас, — хмыкнул администратор. — Хайп такой, что реклама не нужна. Он только радуется.

Они продолжали азартно спорить, переживая за звезд больше, чем за свою жизнь.

Линь Шу бросил последний взгляд на экран. Там, рядом с величественной Цзянь Чэньцзюнь, стояла женщина с застенчивой улыбкой и кротким взглядом.

Су Цзинъи. Святая дева Секты Чистой Земли Высшей Радости.

Тварь, которая в будущем единолично превратит миллионную базу Цзинчэн в логово фанатиков, готовых на любые зверства по её слову.

Развернувшись, Линь Шу направился к семьдесят восьмому компьютеру.

<http://bllate.org/book/17473/1694939>